

Одинъ изъ ревностнѣйшихъ насадителей нѣмецкаго засилья въ Россіи.

Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде.

Съ именемъ графа К. В. Нессельроде связана цѣлая эпоха въ исторіи русской дипломатіи. Во вторую половину царствованія Императора Александра I и въ теченіе всего правленія Императора Николая I Нессельроде являлся по своему званію отвѣтственнымъ руководителемъ русской политики, выразителемъ ея чаяній и идеаловъ. Хотя, политика эта въ указанное время и была отраженіемъ мнѣній и симпатій самаго русскаго правительства, но, какъ исполнитель его воли и предначертаній, Нессельроде имѣетъ свою собственную физиономію, въ особенности въ позднѣйшее время своей дѣятельности, и его вліяніе многократно сказывалось при Императорѣ Николаѣ I въ знаменательные моменты русской исторіи. Быть можетъ даже, и въ настоящее время наше министерство иностранныхъ дѣлъ не вполне освободилось отъ нѣкоторыхъ пережитковъ Нессельродовской эпохи, но съ послѣдствіями ея политики Россія уже несомнѣнно считается даже теперь, въ моментъ міровой борьбы съ германизмомъ, защищая отъ его напора не только свое собственное великодержавное существованіе, не только интересы славянства, но и будущность всей европейской культуры.

Безъ сомнѣнія, каждый историческій дѣятель долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ современной ему обстановкой, съ характеромъ и потребностями общества, среди котораго онъ

жилъ и дѣйствовалъ. Заслуги государственнаго человѣка тѣмъ выше, дѣятельность его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ лучше сумѣетъ онъ опредѣлить назрѣвающія нужды государства и найти средства къ ихъ удовлетворенію. Въ этомъ смыслѣ дѣятельность въ сферѣ внѣшней политики въ эпоху, предшествовавшую Нессельроде, такихъ крупныхъ русскихъ людей, какъ Потемкинъ и Безбородко, не можетъ вызывать никакихъ недоумѣній при ихъ оцѣнкѣ. Руководимые Екатериной II, они ясно сознавали историческія задачи Россіи, и каждый ихъ шагъ въ международныхъ отношеніяхъ имѣетъ цѣлью величіе и благо русскаго народа. Мѣнялись политическія системы, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, оставляли одинъ путь, найдя другой, болѣе удобный и легкій, но цѣль, руководимая Екатериной и ея помощниками, была вѣчно одна и та же, понятная и самой великой монархинѣ, и послѣднему ея подданному. Эта цѣль была понятна и всей Европѣ, государства которой, оберегая свое существованіе и интересы, также слѣдовали своей національной политикѣ и вскорѣ затѣмъ, послѣ взрыва французской революціи, напрягли послѣднія свои силы, чтобы избавиться отъ пораженія французамъ. Искать цѣлей для своей политики внѣ національныхъ или государственныхъ интересовъ, или даже, вопреки имъ, жертвовать для этого людьми и деньгами и даже собственною безопасностію,— было невозможной роскошью для всякаго европейскаго государства. Роскошь эту послѣ Екатерины позволила себѣ Россія, руководствуясь не національными, а этическими принципами въ своей политикѣ. Слѣдствіемъ ея были 1812 годъ и восточная война 1853—1856 годовъ. Представителемъ и главнымъ руководителемъ этой политики и былъ графъ Карлъ Нессельроде, отрицавшій необходимость національной политики для Россіи, какъ отрицали ее, впрочемъ, и всѣ подобные ему иноземные выскочки, нашедшіе себѣ счастье и пріютъ въ Россіи.

Полунѣмецъ, полуеврей (по матери) Нессельроде въ началѣ своего поприща былъ совершенно чуждъ Россіи по своему происхожденію и воспитанію. Отецъ его, нѣмецкій графъ, находился на русской службѣ, занимая дипломатическіе посты за границей, и только въ царствованіе Павла привезъ сына въ Россію на службу. Послѣ восшествія на престолъ Александра Нессельроде числился въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ приблизился къ особѣ Императора, которому въ походахъ необходимо было имѣть подъ рукою у себя молодого дипломатическаго чиновника, умѣющаго

редактировать бумаги и ѣздить верхомъ, перенося всѣ невзгоды походной жизни. Скромный, вкрадчивый, обладавшій недюжинной способностію примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ, вскорѣ достигъ высокаго положенія статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ послѣ паденія Каподистріи, управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; свое положеніе и связи въ Россіи онъ упрочилъ женитьбой на дочери графа Гурьева, бывшаго при Александрѣ министромъ финансовъ. Установленный Императоромъ Александромъ Священный Союзъ нашелъ въ немъ ревностнаго слугу. Нессельроде, по замѣчанію Татищева, привыкъ отождествлять государственныя пользы Россіи съ благомъ всей Европы, съ упроченіемъ въ ней мира, законнаго порядка и съ торжествомъ монархическаго принципа. Въ то время, какъ австрійскіе и прусскіе государственные люди смотрѣли на Священный Союзъ, какъ на „театральную декорацию“ и на дѣло, „пустое и звонкое“, не придавая ему политическаго значенія, Нессельроде считалъ его „краеугольнымъ камнемъ“ русской политики до самаго Севастопольскаго погрома. Ни Австрія, ни Пруссія, какъ и вся Европа, долгое время не вѣрили, что Россія придавала такое значеніе Священному Союзу, измѣняя историческимъ своимъ задачамъ, но когда они поняли наконецъ это, но не замедлили воспользоваться этимъ въ собственныхъ выгодахъ. „Революція“, законный порядокъ, „монархическій принципъ“ сдѣлались для нихъ магическими словами, которыми они возбуждали или успокаивали русскаго медвѣдя. Лучше всѣхъ пользовался ими австрійскій канцлеръ, знаменитый князь Меттернихъ, подчинившій своему вліянію Нессельроде. Русскій министръ былъ только подголоскомъ Меттерниха, а русское министерство иностранныхъ дѣлъ сдѣлалось филиальнымъ отдѣленіемъ Меттерниховской канцеляріи, по наблюденію за порядкомъ въ Европѣ. Какъ ни зло издѣвался Меттернихъ въ своихъ „Запискахъ“ надъ Священнымъ Союзомъ, но ему нужно было крѣпко держать въ своихъ рукахъ „маленькаго человѣка“ (такъ называли Нессельроде за его малый ростъ): за его спиной стоялъ милліонъ русскихъ штыковъ.

Незадолго до своей кончины Александръ I догадался однако, что Меттернихъ смотритъ на Россію, какъ на орудіе для достиженія австрійскихъ интересовъ, но смерть помѣшала ему измѣнить свою систему. Преемникъ его оставилъ Нессельроде на посту министра и мало-по-малу усвоилъ себѣ принципы Священнаго Союза, увлекшись борьбою съ революціонными те-

ченіями. Движеніе декабристовъ и возстаніе поляковъ въ 1830 г. наложили мрачный опечатокъ на все его царствованіе. Поддерживаемый Нессельроде, Императоръ Николай былъ, подобно брату своему, убѣжденъ, что Австрія и Пруссія являются искренними и усердными членами Священнаго Союза, и, подобно ему же, разочаровался въ нихъ лишь незадолго до своей смерти. „Маленькій человѣчекъ“, впрочемъ, пробовалъ убѣдить Александра II въ цѣлесообразности своей политики, но преемникъ его по должности министра, князь Горчаковъ, былъ убѣжденнымъ ея противникомъ. Тѣмъ не менѣе, преданіе Нессельроде отразилось въ свое время на отношеніяхъ Александра II къ Германіи и въ частности къ Пруссіи.

Сущность политики Нессельроде заключалась въ тѣсномъ единеніи и союзѣ съ „монархическими“ Австріей и Пруссіей и враждѣ съ „мятежной“ Франціей. Для охраны „европейскаго порядка“ Россія держала наготовѣ милліонъ штыковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ угоду нѣмецкимъ своимъ союзникамъ отказывалась отъ интересовъ своихъ на Ближнемъ Востокѣ и признала общеевропейскій контроль въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи и въ охранѣ Дарданелльскаго пролива. Нѣмецъ по происхожденію, нѣмецъ въ душѣ, Нессельроде усиливалъ нѣмецкій элементъ не только внѣ Россіи, но и внутри ея, особенно въ своемъ вѣдомствѣ, и не даромъ считался главою нѣмецкой партіи въ Россіи. Представителями Россіи за границей являлись, по выбору Нессельроде, также преимущественно нѣмцы, поддерживавшіе его систему въ своихъ донесеніяхъ Императору Николаю. Быть можетъ, ни одинъ министръ въ Россіи, даже принадлежавшій къ числу „безотечественныхъ“ нѣмцевъ, не доводилъ своего равнодушія къ русскимъ національнымъ задачамъ до такой степени, какъ Нессельроде. Свое презрѣніе къ нимъ онъ особенно выразилъ въ запискѣ, составленной имъ въ защиту своей политики въ самый разгаръ Крымской войны, бывшей логическимъ ея завершеніемъ. Читая эту записку въ настоящее время, можно лишь удивляться, что ее писалъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а не австрійскій или прусскій.

Въ запискѣ своей Нессельроде не стѣсняясь заявляетъ, что политикой его руководило исключительно стремленіе „поддерживать въ Европѣ консервативное начало“ и „принципъ порядка“. Этимъ объясняются услуги, оказанныя Австріи и Пруссіи. „Но новое положеніе, говорятъ Нессельроде, требовало отъ Россіи уступчивости, умѣренности и постояннаго безкорыстія (sic!) и вслѣдствіе этого не одну жертву не только со сто-

роны самолюбія, но даже личнаго честолюбія, лишь бы высшій интересъ ея политики не подчинялся второстепеннымъ соображеніямъ“. „Сосѣднія державы: Австрія, Пруссія, Германія, были средоточіемъ или цѣлью революціонныхъ предпріятій, и онъ по необходимости былъ принужденъ заключить союзъ съ государями и матеріальными силами поддерживать ихъ противъ безначалія. Вслѣдствіе этой же самой причины на его нравственную опору могли полагаться и всѣ прочіе государи, какъ бы они ни были отдалены отъ насъ, если только вступали въ борьбу съ безначаліемъ—общимъ врагомъ всѣхъ престоловъ“. По мнѣнію Нессельроде, именно эта политика даетъ Россіи высокую роль въ Европѣ, и враждебная Россіи политика Австріи объясняется только существованіемъ восточнаго вопроса. „У Австрія есть или она *воображаетъ* (sic!), что у нея есть свои интересы на востокѣ, не тождественные съ нашими... Эта причина, конечно, не оправдываетъ ни образа дѣйствій ея въ отношеніи къ намъ, ни ея неблагодарности въ отплату за наши недавнія услуги. Но если австрійское правительство справедливо можетъ упрекать себя, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Россія сама себя осудила... Что касается до Пруссіи и остальной Германіи, то память о нашихъ услугахъ въ этихъ правительствахъ вовсе не такъ изгладилась. Главныя германскія государства чувствуютъ, какъ можно сохранить въ будущемъ нашу защиту. Одно только безсильное ихъ положеніе препятствуетъ имъ откровенно говорить и дѣйствовать въ духѣ Россіи. Но этимъ еще не сказано, что должно нѣтъ же потерять надежду на не сопротивленіе гнету, которому они подвержены или того менѣе причислять ихъ къ нашимъ отъявленнымъ врагамъ“. „Политика, основанная на поддержаніи порядка въ Европѣ, заключаетъ Нессельроде, должна была навлечь на себя ненависть какъ вольныхъ, такъ и невольныхъ дѣятелей смуты“. Нессельроде, очевидно, не зналъ еще, что не только Австрія, но и Пруссія въ это время уже готовы были примкнуть къ коалиціи враговъ Россіи. Нессельроде видимо жалѣетъ, что восточный вопросъ самымъ своимъ существованіемъ портитъ отношенія Россіи къ германскимъ державамъ; возможно, что онъ легко предпочелъ бы упразднить его, предоставивъ Ближній Востокъ Австріи и Германіи, лишь бы сохранить ихъ лицемерную дружбу, благо Россія все вынесетъ. Нессельроде, какъ истый нѣмецъ, надѣется, что все уладится.

„Минута, говоритъ онъ, серьезная, спору нѣтъ; но для Россіи, покровительствуемой дланью Божіей, испытанія—дѣло при-

вычное (sic!). Не впервые приходится ей видѣть измѣну союзниковъ и даже ихъ возстаніе противъ себя. Если бы чтонибудь повторилось, то оборотъ и исходъ кризиса укажутъ ей, въ комъ надобно искать ей союзниковъ. Если эта перестановка отношеній послужитъ къ наказанію малодушія или недоброжелательства австрійскаго правительства, то еще будетъ время рѣшить, кто изъ насъ повиненъ въ дурной политикѣ: мы ли, оказавъ ему услугу, или оно забвеніемъ оной? До тѣхъ же поръ воздержимся отъ всякаго крутого поворота въ образѣ дѣйствія; въ особенности будемъ избѣгать всякаго пути, который шелъ бы въ разрѣзъ съ консервативными началами, составляющими нашу силу. Поступать иначе значило бы хвататься за ненадежное, опасное оружіе, рано или поздно обращающееся противъ тѣхъ же правительствъ, которыя имъ дѣйствуютъ“.

Такова была послѣдняя рѣчь международнаго жандарма съ нѣмецкой душой и нѣмецкими симпатіями, сорокъ лѣтъ завѣдывавшаго внѣшними сношеніями Россіи. Удивляться ли, что, съ его точки зрѣнія, наивысшей исторической задачей для варварскаго русскаго народа было бы — принести себя въ жертву благополучію „Европы“, т.-е. германскихъ государствъ, охраняя ихъ внѣшнюю безопасность, предавая имъ на съѣденіе славянскіе народы и Ближній Востокъ и въ то же время открывая въ самой Россіи широкій доступъ нѣмецкой колонизаціи, нѣмецкой торговлѣ и промышленности, а также нѣмецкимъ выходцамъ всякаго рода для захвата мѣстъ въ русской администраціи? Можно сказать его же словами: „для Россіи, покровительствуемой дланью Божіею, испытанія—дѣло привычное“, но отъ привычки готовить эти испытанія собственными руками, насаждая у себя большихъ и маленькихъ Нессельроде, избави насъ Богъ!

Е. Шумигорскій.

